

денные примеры свидетельствуют о том, что государство было заинтересовано в сотрудничестве с организациями самоуправления. Даже в управлении заводами, принадлежавшими Военному министерству, на которых внедрялась жесткая военная дисциплина, властная вертикаль не могла обойтись без опоры на органы самоуправления мастеровых. В решении проблем снабжения заводских поселков продовольствием, в налаживании дисциплины, в насаждении угодных власти образцов поведения, в создании имиджа образцового оружейника администрация заводов обращалась прежде всего к сообществам мастеровых. Крестьянские общины имели большой опыт упорной борьбы за свои права с использованием самых разнообразных форм. В первой половине XIX в. сообщества мастеровых в отстаивании своих профессиональных прав делали первые шаги, однако сам уровень профессиональной организации по цехам позволял им быстрее добиваться более ощутимых результатов.

Примечания

¹ Луппов П.Н. Волнения вотяков Вятской губернии по поводу прикрепления их к горным заводам (в 1807 и 1808 г.) // Тр. ВУАК. Вятка, 1909. Вып. II–III. С. 105–113.

² Васина Т.А. Камские заводы. Население, культура, быт (конец XVIII — первая половина XIX в.). Ижевск, 2006. С. 82–83.

³ Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР). Ф. 4. Оп. 1. Д. 173. Л. 1–1 об.

⁴ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 215. Л. 69–70.

⁵ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 255. Л. 3–4.

⁶ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 65. Л. 15–15 об., 16–67 об.

⁷ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 255. Л. 710–711.

⁸ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 74. Л. 90–91, 104–111.

⁹ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 40. Л. 415–415 об.

¹⁰ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 40. Л. 415–415 об.; Д. 215. Л. 105–106 об.; Д. 260. Л. 249–249 об.

¹¹ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 207. Л. 9–24.

¹² ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 215. Л. 53–54.

¹³ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 205. Л. 401–401 об.

¹⁴ Там же. Л. 1–2 об., 35–38.

¹⁵ Там же. Л. 245–246, 259–259 об.

*Л.А. Дашкевич
(Екатеринбург)*

ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ДЕТСКИХ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЕКАТЕРИНБУРГА КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XX вв. *

Исследование истории учреждений детского призрения Екатеринбурга, сохранившей примеры благотворительной поддержки горожан, позволяет пополнить наше представление о развитии общественной жизни города, выявить логику этого развития и ее возможные перспективы. Современные ученые признают, что благотворительность в России была мощным и исторически самым длительным общественным движением, сыгравшим важную роль в формировании гражданского общества¹. Не был исключением в этом отношении и Екатеринбург.

Началом социального творчества жителей города в сфере помощи брошенным детям можно считать благотворительную инициативу кулца третьей гильдии Федора Яковлевича Логинова. Сын турчаниновского приказчика, крепко стоявший на ногах,

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 09-01-83108 а/У.

лично обратился 6 июня 1790 г. в Московский опекунский совет императорского Воспитательного дома с просьбой о назначении его попечителем и воспитателем «несчастных обоего пола и родителями оставленных детей», коих он собрался принимать «помощением доброхотных подателей». Сразу после обращения в опекунский совет Ф.Я. Логинов не получил официального разрешения на открытие воспитательного дома в городе Екатеринбурге, однако, отказать неимущим матерям, которые понесли младенцев прямо к нему в дом, не смог. В течение двух лет он принял тридцать младенцев.

Мотивы благотворительной деятельности купца Ф.Я. Логинова ясно обозначены в его обращении к городской думе, где объяснялось нежелание попечителя отправлять своих питомцев, достигших пятилетнего возраста, в Московский воспитательный дом, как того требовал Генеральный план 1763 г. Для отправки детей в Москву Ф.Я. Логинов не получал никакой материальной поддержки, поэтому он считал возможным оставить их в своем воспитательном доме. Весьма важным при этом для купца было сохранение у воспитанников привилегий, дарованных им законодательством Екатерины II. Из воспитательных домов Москвы и Санкт-Петербурга все брошенные дети, как законные, так и внебрачные, выходили вольными людьми и сохраняли этот статус в дальнейшем, никто не имел права их закабалить или прикрепить к себе. Бывшие «несчастнорожденные» могли заниматься предпринимательством, покупать дворы, лавки, заводить фабрики и заводы, вступать в любые свободные состояния. «Но как во всей Российской империи всякой род пользуется одинаковыми выгодами, — писал Ф.Я. Логинов, — следовательно, и здешним питомцам, надеюсь я, что Ея Императорское Величество не откажет в таковой же милости»². Купец из далекой уральской глубинки, таким образом, отчетливо осознавал просветительские замыслы проекта императрицы и привлекали его не только традиционно христианские цели милосердия и спасения жизни «несчастнорожденных» младенцев, но и их новые социальные возможности.

Правительственные намерения в отношении воспитательных домов, однако, как известно, вскоре изменились. 2 мая 1797 г. император Павел I подписал указ «О принятии главного начальства над Воспитательными домами императрице Марии Федоровне», чем было положено начало Мариинскому ведомству. Штат воспитанников в Московском и Санкт-Петербургском воспитательных домах, по решению императрицы, был сокращен, а основная часть их питомцев отправилась в деревню, после чего они становились уже не вольными людьми, а государственными крестьянами. Окончательная реорганизация столичных воспитательных домов произошла при Николае I. В 1837 г. он запретил прием туда «приносных» детей и учредил вместо прежних благотворительных заведений для «несчастнорожденных» младенцев институты воспитания обер-офицерских сирот³. Деятельность провинциальных воспитательных домов прекратилась еще раньше, в 1828 г.

Сдерживание гражданской инициативы в николаевское царствование привело к возобладанию государственного начала в деле помощи детям. Для надзора за филантропической деятельностью благотворителей в 1838 г. был создан особый Комитет главного попечительства детских приютов, вошедший позднее в Ведомство учреждений императрицы Марии. Комитет подготовил Положение о работе детских приютов, которое было высочайше утверждено 27 декабря 1839 г. Согласно этому поло-

жению, детские приюты в России создавались под покровительством Их Императорских Величеств и подчинялись Комитету главного попечительства детских приютов. Непосредственное управление приютами возлагалось на губернские и уездные попечительства, которые действовали под руководством местных губернаторов. Меценаты, жертвовавшие средства на организацию приютов, таким образом, фактически устранялись от их руководства.

Несмотря на это, Ведомство детских приютов смогло привлечь к делу детского призрения достаточно большие частные капиталы. В Екатеринбурге приют был основан екатеринбургским купцом первой гильдии, почетным гражданином Михаилом Ананьевичем Нуровым. О желании купца создать детское благотворительное заведение главный начальник горных заводов В.А. Глинка сообщил Комитету главного попечительства детских приютов в 1856 г. М.А. Нуров обязался выделить в пользу приюта 15 тыс. руб. серебром с тем, чтобы внести эти деньги навечно в кредитные установления, а проценты ежегодно отпускать на содержание приюта. Помимо того, он предложил нанять, а затем купить дом для размещения заведения. На это купец обещал выделить 4 тыс. руб. После долгой переписки разрешение на создание Нуровского приюта в Екатеринбурге было получено, и 23 апреля 1857 г. он был открыт⁴.

По мысли основателя, призрение в благотворительном заведении должны были найти 30 детей, но в действительности их число было значительно больше. Помимо семейных, приходящих детей, приют принял и сирот. В 1865 г. для них было открыто специальное ночлежное отделение. Общая численность питомцев Нуровского приюта к 1879 г. составила 142 чел. (в дневном отделении воспитывалось 45 мальчиков и 74 девочки; в ночлежном отделении — мальчик и 22 девочки). Общий капитал приюта в это время составил 36536,69 руб.⁵. К 1913 г. он вырос до 70549,54 руб.⁶

Заведование приютом было возложено на горное попечительство детских приютов, которое действовало на тех же правилах, что и губернские попечительства. Этого права добился для Екатеринбурга «начальник хребта Уральского» В.А. Глинка. Впоследствии, несмотря на ликвидацию особого статуса города, Екатеринбург сохранил горное попечительское общество. Председателем его, по традиции, оставался главный начальник горных заводов. В состав горного попечительства входили 6–7 действительных членов, занимавшие руководящие должности в городе и приюте (городской голова, председатель дворянской опеки, директор и попечительница приюта и др.), а также 11–13 почетных членов, которые обязаны были ежегодно вносить в пользу приюта не менее 100 руб. Должности почетных членов горного попечительства занимали, по преимуществу, купцы. В разное время это были: екатеринбургские купцы П.М. и М.М. Ошурковы, И.И. и Е.М. Симановы, И.А. Рязанов, П.А. Злоказов, Г.Е. Подвинцев, И.И. Симанов, С.Ф. Федулов, С.Ф. Печурин, верхнеуральский купец Ф.Ф. Щелков, пермский купец Д.И. Колчин и другие⁷.

Горное попечительство детских приютов было одной из первых официально признанных общественных ассоциаций в Екатеринбурге. Его деятельность, несомненно, внесла определенный вклад в гражданскую жизнь города. Однако, как и прочие полугосударственные структуры, оно привлекало местное чиновничество и купечество не только мотивом помощи ближнему, но и возможностью повышения своего статуса — долгие годы служба в звании действительного и почетного попечи-

теля и помощь приюту вознаграждались чинами, орденами и медалями. Широкая благотворительная деятельность основателя приюта М.А. Нурова принесла купцу чин надворного советника и орден Святого Владимира четвертой степени⁸. Делопроизводитель и казначей приюта, надворный советник Е.М. Антропов в 1891 г. был награжден «за усердие и особые труды» орденом Святого Станислава второй степени, в 1900 г. орден Святой Анны второй степени получил его преемник, делопроизводитель и казначей приюта, статский советник С.М. Тихонов⁹. Годом ранее, в 1899 г., орденом Святого Владимира третьей степени правительство наградило почетного члена горного попечительства, коллежского советника В.А. Поклевского-Козелл¹⁰. Почетный член попечительства М.С. Нагаев в 1906 г. был произведен в коллежские регистраторы и награжден орденом Святого Станислава третьей степени¹¹. Золотые медали жаловались: почетным членам горного попечительства И.И. Симанову и М.М. Ошуркову (1896 г.)¹², потомственному почетному гражданину В.Е. Симанову и купеческому брату Г.Е. Подвинцеву (1897 г.)¹³, церковному старосте Николаевской приютской церкви А.А. Федулову (1900 г.)¹⁴, троицкому купцу К.Н. Фанбулову (1904 г.)¹⁵, серебряные — екатеринбургскому мещанину И. Малькову (1894 г.)¹⁶ и купцу М.М. Денисову (1900 г.)¹⁷. Неоднократно награждался чинами и медалями доктор медицины А.А. Миславский, отдавший Нуровскому приюту много лет своей жизни. В 1891 г., по представлению горного попечительства, он получил чин статского советника¹⁸, в 1898 г. — две серебряные медали за службу в царствование императоров Николая I и Александра III¹⁹.

Дамы, служительницы и попечительницы приюта, награждались медалями и Марининскими знаками. В 1895 г. Марининские знаки отличия беспорочной службы были выданы попечительнице приюта, вдове коллежского советника К.И. Нуровой (за 15 лет) и смотрительнице приюта А.И. Зыковой (за 35 лет)²⁰, в 1900 г. они же получили знаки отличия за 20 лет (К.И. Нурова) и 40 лет (А.И. Зыкова)²¹. В 1898 г. серебряные медали для ношения на груди на ленте Ордена Святого Александра Невского были выданы попечительнице Нуровского приюта, вдове коллежского советника К.И. Нуровой, смотрительнице приюта А.И. Зыковой, бывшим помощницам смотрительницы приюта М.П. Щапковой, М.А. Сыромолотовой, А.П. Пономаревой, Н.А. Порошиной²².

Весомых благотворительных взносов в пользу Нуровского приюта, однако, почти не поступало. Единственным крупным жертвователем оставался создатель приюта купец Михаил Ананьевич. Нуров. На его деньги был возведен полукаменный дом приюта, флигель рядом с ним для размещения ночлежного отделения, каменная приютская церковь Николая Чудотворца. В целом, к 1897 г. недвижимое имущество Нуровского приюта оценивалось в 20 тыс. руб.²³

Гораздо более живой отклик у благотворительной общественности города Екатеринбурга находили проблемы Верх-Исетского приюта, созданного на средства купца Семена Алексеевича Петрова. Сам С.А. Петров, разбогатевший на винном деле, по свидетельству некоторых старожилов, был внебрачным сыном нищенки, происходившей из крестьян Камышловского уезда. Младенцем он был подкинут к дому купца М.И. Коробкова, принят в купеческую семью и унаследовал от приемного отца «винно-колонияльное дело». Оказавшись удачливым предпринимателем, С.А. Петров значительно умножил доставшиеся ему капиталы и решил употребить

их в конце жизни на «облегчение участи обездоленных и беспризорных детей»). По завещанию купца, все его торговые и коммерческие дела были ликвидированы, а доходы, полученные от продажи движимого и недвижимого имущества (около 400 тыс. руб.), пущены на создание сиротско-воспитательного дома.

После утверждения Устава, 19 мая 1890 г. сиротско-воспитательный дом С.А. Петрова официально начал свою работу. Он стал первым в Екатеринбурге (да и на Урале), после долгого перерыва, заведением для приема брошенных младенцев и воспитания малолетних сирот. Согласно уставу, Верх-Исетский сиротско-воспитательный дом С.А. Петрова находился в ведении Министерства внутренних дел, хозяйственное же управление им передавалось Екатеринбургской городской управе. Повседневной жизнью приюта руководил попечительный совет из четырех членов, который избирала Екатеринбургская городская дума. Она же назначала смотрительницу дома.

Первоначально, в 1893 г., открылось Екатеринбургское отделение дома, в котором призревало 76 детей (29 мальчиков и 47 девочек). Затем, в 1897 г., после окончания строительства на усадебной земле С.А. Петрова в пос. Верх-Исетского завода, отделение было закрыто, и детей переместили в новое, большое и удобное здание. Численность его питомцев стала быстро расти. К 1909 г. она составляла 220 чел. (96 мальчиков и 124 девочки). Быстрый рост числа призреваемых привел к дефициту бюджета сиротско-воспитательного дома, который держался в основном на проценты с пожертвованного капитала.

Проблемы финансирования дома и воспитания его питомцев активно обсуждались на заседаниях городской думы. По решению думы, попечительный совет дома обращался за помощью в различные общественные организации, которые достаточно сочувственно относились к этим просьбам. В 1907 г., например, совет старшин Екатеринбургского коммерческого собрания разрешил отчислять в пользу Верх-Исетского дома по 5 % с каждой выданной игры карт. В 1908 г. собрание членов Уральского отдела для борьбы с детской смертностью приняло решение об отпуске «на дело призрения подкидышей» 500 руб. В помощь сиротско-воспитательного дома устраивались благотворительные концерты, спектакли, беговые дни и т.д.

Исторический очерк, посвященный 25-летию Верх-Исетского сиротско-воспитательного дома А.С. Петрова, весьма образно охарактеризовал итог этой деятельности: «делу призрения несчастных пасынков природы и жертв общественного темперамента пришло на помощь само общество»²⁴. С автором этих строк вполне можно согласиться. Расширение самостоятельности городских органов самоуправления, несомненно, содействовало развитию благотворительной деятельности, которая становилась в России неотъемлемым элементом гражданского общества, основанным на понимании социальной ответственности.

Примечания

¹ См.: Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII — конец XIX в.). СПб., 2006; Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, XIX — начало XX века. М., 2005.

² Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 28. Л. 111.

³ Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001. С. 43.

⁴ Благотворительность на Урале. Екатеринбург, 2001. С. 36.

⁵ Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством за 1874—1879 годы. СПб., 1881. С. 74, 110.

⁶ Отчет горного попечительства детских приютов за 1913 год. Екатеринбург, 1914. С. 7.

⁷ Отчет горного попечительства детских приютов за 1873 год. Екатеринбург, 1874. С. 18—19; Отчет горного попечительства детских приютов за 1891 год. Екатеринбург, 1892. С. 23—24.

⁸ Благотворительность на Урале. С. 38.

⁹ Отчет горного попечительства детских приютов за 1900 год. Екатеринбург, 1901. С. 4.

¹⁰ Отчет горного попечительства детских приютов за 1899 год. Екатеринбург, 1900. С. 4.

¹¹ Отчет горного попечительства детских приютов за 1906 год. Екатеринбург, 1907. С. 4.

¹² Отчет горного попечительства детских приютов за 1896 год. Екатеринбург, 1897. С. 3.

¹³ Отчет горного попечительства детских приютов за 1897 год. Екатеринбург, 1898. С. 3.

¹⁴ Отчет горного попечительства детских приютов за 1900 год. Екатеринбург, 1901. С. 4.

¹⁵ Отчет горного попечительства детских приютов за 1904 год. Екатеринбург, 1905. С. 3.

¹⁶ Отчет горного попечительства детских приютов за 1894 год. Екатеринбург, 1895. С. 2.

¹⁷ Отчет горного попечительства детских приютов за 1900 год. Екатеринбург, 1901. С. 4.

¹⁸ Отчет горного попечительства детских приютов за 1891 год. Екатеринбург, 1892. С. 6.

¹⁹ Отчет горного попечительства детских приютов за 1898 год. Екатеринбург, 1899. С. 3—4.

²⁰ Отчет горного попечительства детских приютов за 1895 год. Екатеринбург, 1896. С. 4.

²¹ Отчет горного попечительства детских приютов за 1900 год. Екатеринбург, 1901. С. 4.

²² Отчет горного попечительства детских приютов за 1898 год. Екатеринбург, 1899. С. 3—4.

²³ Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством за 1897 год. СПб., 1899. С. 153.

²⁴ Калачников В.В. Исторический очерк Верх-Исетского сиротско-воспитательного дома имени Семена Алексеевича Петрова. К 25-летию его существования. Екатеринбург, 1915. С. 29.

*Е.В. Ерменкан
(Стерлитамак)*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В БАШКИРСКОЙ АССР В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЭП

Начало двадцатых годов Башкирия встретила в очень трудных условиях. Последствия I Мировой войны, революции и Гражданской войны катастрофически сказались на всех сферах жизни республики. В сельском хозяйстве к 1920 г. (по сравнению с 1913 г.) наполовину сократились посевные площади и поголовье домашнего скота. В результате Гражданской войны было сожжено более 600 деревень, тысячи человек остались без крова, а поля были изрыты окопами. К этому добавился голод, вызванный засухой и неурожаем 1921 г. Перед лицом голодной смерти оказалось около 2,5 млн чел., умирать стали целыми семьями и деревнями, появились случаи людоедства¹.

Промышленность Башкирии также находилась в ужасном состоянии. Множество рудников, шахт было заброшено, затоплено и разрушено, сильно пострадала транспортная инфраструктура, не хватало сырья, топлива и оборудования, многие фабрики простаивали. Особенно сильно пострадал железнодорожный транспорт, паровозы и вагоны лежали под откосами железнодорожной насыпи. Были разрушены целые участки железной дороги, взорваны мосты, в результате чего была нарушена железнодорожная связь Уфимской губернии с Центральной Россией².

Нетрудно догадаться, что в подобных хозяйственно-экономических условиях социальная жизнь Башкирии пришла в полный упадок и выдвинула на первый план ряд социальных проблем, многие из которых приняли катастрофические масштабы. Среди них следует назвать преступность, безработицу, детскую беспризор-